

11.41
-955

На правах рукописи

Быстрова Ольга Васильевна

Русская литературная антиутопия 20-х годов

XX века: проблема жанра.

Специальность 10. 01. 01. - Русская литература.

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

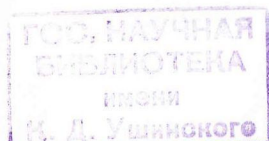
Москва - 1996 г.

✓
Работа выполнена в Московском педагогическом университете на кафедре русской литературы XX века.

Научный руководитель: кандидат филологических наук,
профессор Мигунов А.А.

Официальные оппоненты; доктор филологических наук,
профессор Газизова А.А.

кандидат филологических наук,
доцент Дронова Т.И.

ОКХ

96-11943

Ведущая организация: Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова.

Защита состоится "15" ~~сентября~~
сов на заседании Диссертационно
тературоведению в Московском пе
/107005, Москва, ул. Ф.Энгельса

С диссертацией можно озна
адресу: 107846, Москва, ул. Ра

Автореферат разослан "15"

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат филологических
наук

4

Шифр: 891.71/Б-955

Инв. N: 96-11943

Быстрова О.В. Русская

литературная антиутопия..

:Автореф..... - М., 1996.

Б. ц.

Так сложилось в отечественном литературоведении, что русская антиутопия XX века как уникальное явление литературы вплоть до начала 90-х годов не изучалась. Вспыхнувший интерес огромной читательской аудитории к антиутопическим текстам в конце 80-х годов объясняется, в первую очередь, соотносимостью антиутопической модели общества с реальным историческим миром еще недавнего прошлого.

90-е годы XX столетия явились для жанра антиутопии временем литературной реабилитации. В антиутопии перестали видеть только политический отпечаток времени, анализ жанра позволил говорить о сложнейшем организме антиутопического текста.

Появившиеся в конце 80-х - начале 90-х годов работы современных исследователей Э.Баталова /"В мире утопий: пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах", 1989/, А.Зверева /"Когда пробьет последний час природы...": Антиутопия XX века", 1989/, Р.Гальцевой и И.Роднянской /"Помеха - человек. Опыт века в зеркале антиутопии", 1988/, Н.Н.Арсентьевой /"Становление антиутопического жанра в русской литературе", 1993/, Б.А.Ланина /"Русская литературная антиутопия", 1993/ стали первыми в попытке осмыслить художественное своеобразие жанра антиутопии в русской литературе, очертили круг проблем, требующих настоящего разрешения, таких как: генетическое родство утопии и антиутопии в русской литературе, темы и ведущие мотивы в антиутопических текстах, особенности функционирования жанра антиутопии в современной литературе и т.д. При этом временной спектр рассматриваемых антиутопических произведений был необычайно широк: от XIX века до 90-х годов нашего столетия.

По мнению диссертанта, подлинного расцвета русская литературная антиутопия достигла в первой половине 20-х годов нашего столетия. Именно в эти годы были созданы произведения Е.И.Замятина, А.В.Чаянова, Е.Д.Зозули, М.Я.Козырева, С.Д.Кржижановского и другие, ставшие, к большому сожалению, предметом исследования и осмысления в логической цепи развития взаимоотношений людей в обществе и с самим обществом лишь в конце века.

Данное положение повлекло за собой выделение основной цели диссертации: исследование русской литературной антиуто-

пии 20-х годов XX века.

Круг конкретных задач, способствующих достижению цели, предусматривает различные аспекты подхода к данной теме, выявляет многообразие форм антиутопических текстов 20-х годов.

Долгие годы главным и в некотором отношении единственным представителем антиутопического жанра в советской литературе являлся роман Е.И.Замятина "Мы", подвергавшийся не-объективной критике. Диссертант счел необходимым расширить круг литературных текстов, которые послужили материалом исследования. Наряду с исследованием романа Е.И.Замятина "Мы", на сегодняшний день по праву считающегося классическим образцом антиутопии в русской литературе, в тексте диссертации рассматриваются ранее не привлекавшиеся к анализу в трудах литературоведов произведения - роман П.Н.Краснова "За чертополохом" /1921/, повесть М.Я.Козырева "Ленинград" /1925, 1991/, повесть Ивана Кремнева /псевдоним А.В.Чаянова/ "Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии" /1920/, роман Тео Эли /псевдоним Ф.Н.Ильина/ "Долина новой жизни" /1922, 1928/.

Актуальность работы: Исследование антиутопии 20-х годов представляется актуальным, т.к. именно в этот период произошло зарождение качественно нового понятия антиутопии, отдающей предпочтение социуму перед техническими достижениями общества.

К концу 20-х годов XX века в русской литературе сложилась ситуация, при которой почти одновременно прекратили свое существование и антиутопия, и утопия. Авторы подверглись репрессиям и отлучению от читателя. Данное исследование вводит в научный оборот насильственно "вычеркнутые" из истории литературы 20-х годов произведения и имена.

Методологической базой послужили культурологические и футурологические концепции русских философов /Н.А.Бердяева, Н.Ф.Федорова и др./.

К истолкованию проблемы жанра антиутопии привлечена оригинальная философская теория "революции - энтропии", предложенная Е.И.Замятиным, которая характеризует общие основы историко-культурного мироощущения и художественного мышления авторов антиутопических текстов 20-х годов XX века.

Методической основой работы послужили исследования по

теории жанра, проблеме автора и литературного героя, а также работы, касающиеся проблем литературно-художественного времени /труды М.М.Бахтина, Л.Я.Гинзбург, Б.О.Кормана и др./.

Методы исследования носили комплексный характер.

Новизна исследования заключается в постановке проблем литературоведческого анализа жанра антиутопии. Впервые рассмотрена история антиутопического жанра, касающаяся конкретного временного периода /20-е годы XX века/. К исследованию были привлечены материалы русской и эмигрантской периодики 20-х годов и архивов писателей /Е.И.Замятина, М.Я.Козырева/. Кроме того, собрана библиография антиутопических и утопических текстов, предложена классификация антиутопий 20-х годов.

Научно-практическое значение работы заключается в том, что наблюдения и выводы, полученные в ходе исследования, могут быть использованы для продолжения научного изучения жанра антиутопии и литературного процесса 20-х годов XX века, в курсе лекций, при подготовке семинаров и практических занятий по истории русской литературы XX века в ВУЗах, а также при подготовке факультативного курса в старших классах средней школы.

Апробация работы: По теме диссертации были сделаны доклады на научно-практических конференциях в МПУ, БГПИ /май, июнь 1994 г./. Основные положения исследования обсуждались на заседании кафедры русской литературы XX века МПУ.

Структура работы: Диссертация состоит из Введения, трех глав и Заключения. Работу завершает список литературы, насчитывающий 269 наименований.

Основное содержание работы

Во Введении обосновывается актуальность темы, раскрывается степень изученности жанра антиутопии, уточняется соотношение между утопией и антиутопией, определяются принципы отбора материала, цели и задачи работы, ее методологическая и методическая основы и практическая значимость работы.

Положения первой главы - "Пространственно-временная организация текста антиутопии 20-х годов" - способствуют пониманию авторской позиции и помогают проследить историю жанра антиутопии.

Временной фон является важным компонентом антиутопии

Незначительная деформация конкретного исторического времени поднимает повествование антиутопии на обобщающий уровень, что дает возможность говорить о двойственном восприятии текста антиутопии: сюжет рассказывает о делах будущего, контекст объясняет события настоящего.

Временной фон антиутопии формирует свое пространство. К привычной оппозиции "время-пространство автора" и "время-пространство героя" присоединяется еще одна позиция - "время-пространство государства". Эти три позиции являются структурными уровнями организации антиутопии 20-х годов. Их пересечение дает импульс началу повествования, по ходу которого становится очевидным: эти три хронотопа взаимосвязаны между собой. Мир, сформировавший героя /т.е. антиутопическое государство/, - вероятное будущее авторского мира, а мир, который герой пытается строить на месте разрушаемого антиутопического общества, - прошлое /настоящее/ автора.

Пространственно-временная узнаваемость - одно из условий жанра антиутопии. Для текстов исследуемого периода пространственная узнаваемость варьируется, что объясняется авторской позицией в каждом конкретном случае. Часть текстов прямо указывает на место действия: это - город Москва /повесть А.В.Чаянова/, это - страна Германия /роман П.Н.Краснова/, это - город Ленинград /повесть М.Я.Козырева/. Созданное же Е.И.Замятиным антиутопическое пространство символично и абстрагированно. Узнаваемый в очертаниях Единого Государства Петербург нечеток в своем изображении. Автор идет на это намеренно, придавая частным событиям обобщающий характер.

Пространство антиутопического государства всегда ограничено /хотя непременным условием его существования является стремление расширить свои границы/ и плоско. И в стремлении героя антиутопии вырваться из "двухмерной" плоскости Системы видится попытка обрести объемный мир Цивилизации. Характерная для жанра тройственность пространственных отношений /герой - Система - Цивилизация/ заставляет говорить о главной теме антиутопии 20-х годов - сохранении огромного интеллектуального и нравственного богатства земной цивилизации.

В отличие от вариантов пространственного "узнавания",

время в антиутопии 20-х годов всегда вычисляется с точностью. В мире героя оно всегда указывается в тексте. Время автора варьируется в вычислении: или это прямое указание в тексте, или определению времени служат литературные ассоциации, сравнения и реминисценции. Аналогичной цели служит использование в антиутопических текстах реальных фактов из жизни авторов.

В антиутопии время героя отличается не только от времени автора, но и от времени государства, которое кажется "застывшим" из-за своей бессобытийности. На этом "застывшем" временном фоне развивается стремительная череда событий, связанных с героем антиутопии. Антиутопический герой своим стремительным постижением предлагаемых Системой идеалов и ценностей не только меняет /"убыстряет"/ время, он разрушает само пространство антиутопического государства. Этим герой подтверждает, что предлагаемое антиутопической Системой изначально ложно. Но попытки построить новый мир на месте разрушенного для героя антиутопии оказываются несостоятельными.

На своем пути постижения ложности постулатов антиутопической Системы герой на какое-то краткое мгновение прикасается душой к Вечности - истинной сути существования в мире. И на ассоциативном уровне в тексте антиутопии происходит объединение понятий "вечности" и "хранения". Этому в немалой степени способствует использование в текстах произведений сквозных символов.

Использованные в текстах символы позволяют говорить о синтезе реализма и символизма в антиутопии 20-х годов. На уровне символического обобщения текст антиутопии становится тайнописью бытия общества и людей в нем. Но символика антиутопии 20-х годов обладает особой приметой: в тексте символ попирает символ.

Герой антиутопии 20-х годов не становится хранителем вечности, эта функция передана конспектам, записям-воспоминаниям, т.е. тому, что оставили после себя герои. Передача этой функции бумаге свидетельствует о том, что созданный текст не является "мертвым"; "говорящая" бумага становится действующим персонажем наравне с другими героями повествования.

Это авторское решение выделило особо тему читателя антиутопии 20-х годов. У антиутопии /вне зависимости от времени

создания текста/, помимо читателя - современника автора, есть еще один читатель - потомок. И в обращении к будущему читателю состоит основное предназначение антиутопии, ибо потомок, оценивая происшедшие события, будет отвечать на вопрос - права ли была антиутопия в своем отрицании.

Анализ пространственно-временной организации исследуемых текстов подчеркивает: антиутопия 20-х годов XX века спрессовывает в своем содержании весь накопленный опыт литературы как русской, так и мировой. По своей историко-литературной памяти она может считаться самым древним жанром.

Проведенный анализ подтверждает также общую приверженность антиутопии 20-х годов традициям русской литературы XIX и начала XX веков /как в использовании тем и сюжетов, так и в создании особой атмосферы при описании душевных переживаний героев/.

Вторая глава - "Автор и герой в антиутопии 20-х годов" - посвящена исследованию отношений позиций автора - героя в антиутопическом тексте.

Характеризуя время создания исследуемых текстов как период перехода русской литературы из полифонической в монофоническую действительность, автор работы обращает внимание на то, что антиутопия 20-х годов явилась протестом против насаждаемого монологизма в культуре. Это проявилось не только во множественности точек зрения героев антиутопии, но и в предлагаемой ею "антиутопической теории поступка" /название условно и предложено диссертантом/. Автор произведения оставлял за героем право выбора. В антиутопическом государстве привычный канон поведения граждан "взрывается" поступком личности. Устоявшиеся нормы ломаются не только поступком, но и осознанным правом на него.

В антиутопии 20-х годов осознание несоответствия идеала и действительности влечет за собой духовное перерождение. Самоузнавание героя в антиутопическом мире вызывает одновременно и чувство осознания, что от данного поступка в этом мире уклониться нельзя, и чувство боли, вызываемое этим поступком. Герой начинает осознавать себя личностью, беря тем самым на себя ответственность за окружающий мир. Эта ответственность за каждый свой поступок вызывает у героя чувство страдания. Только научившись со-страдать, со-переживать, личность героя антиутопии становится Миром; плоскость анти-

утопической Системы перечеркивается объемной Цивилизацией.

Ведущей категорией антиутопического текста 20-х годов является страдание. Именно это чувство очищает личность от всего наносного, выделяет ее единственность среди множественности и тем самым делает неповторимой. Проходя экстремальные ситуации, герой антиутопии 20-х годов подходит к своему последнему испытанию, которое является не только экзаменом на прочность заявленной личности, но и служит степенью осознания предела своих страданий. Ставя героя перед этим последним барьером, автор тем самым подтверждал свободу его выбора: все, что герой сделает, это будет его поступком, этот выбор сделает личность. Авторское отношение к этому поступку и к этому выбору будет прочитано в контексте.

Автор работы отмечает тот факт, что несмотря на вариативность сюжетных решений, типов героев и высказываемых ими оценок, в антиутопии 20-х годов просматривается четкая линия авторской позиции.

Присутствие автора в повествовании антиутопии 20-х годов обнаруживается подчас путем скрупулезного вычленения. Но в каждом конкретном случае следует говорить о варианте авторского присутствия в тексте.

Образ повествователя в романе Е.И.Замятина "Мы" проходит в своем развитии несколько этапов. Первый характеризует-ся "сложением" позиций автора и героя, причем "дополнения" автором героя могут быть и явными, и неявными /ассоциативными/. Герой, описывая происходящее с ним, подчас ориентируется на знания и память автора. На следующем этапе происходит раздвоение главного героя на "героя с душой" и "героя-нумера", повлекшее за собой и раздвоение повествователя. С этого момента автор "уходит" за позицию "героя с душой", отдавая ему свои знания и память /создается иллюзия "проживаемости-переживаемости" героя в прошлом/. В противоборстве "героя-нумера" с "героем с душой" симпатии автора на стороне последнего.

"Герой с душой", пытаясь вырваться из порочного круга антиутопической Системы, совершает на своем пути порой недуманные, но поступки. В данных ситуациях становится важным сам факт выбора и поступка /именно поэтому автор не позволяет себе "дополнять" своего "героя с душой", который заново

открывает для себя истины, уже известные автору/.

Пройдя свой круг испытаний, "герой с душой" не выдерживает. Возникший страх перед памятью, приносящей страдания, становится решающим моментом в определении дальнейшей жизненной позиции. И на следующем этапе происходит слияние двойников-антиподов в одно целое с перевесом в сторону "долга" перед Системой Единого Государства. В этой ситуации автор "уходит" за текст и его присутствие выявляется путем текстовых ассоциаций сцен, прожитых "героем с душой" ранее. Характерная для творческой манеры писателя тройственная перекличка текста в тексте помогает в последнем конспекте главного героя выявить авторское присутствие.

Для повествовательной структуры антиутопии 20-х годов весьма характерным является то, что ее текст оказывается, как правило, повествованием о другом повествовании. Но в каждом тексте исследуемого периода приходится говорить о варианте "другого повествования". Так, в романе Е.И.Замятина "Мы" главным повествованием является рукопись /т.е. конспекты главного героя/, а в повести М.Я.Козырева "Ленинград" - рукопись создается на основе и по воспоминаниям сна героя.

Использование "сна" как литературного приема относится к традициям русской классической литературы. По смысловой нагрузке сон является своеобразной разгадкой авторской позиции и одновременно формой, за которой скрывается автор.

Очнувшись в будущем обществе, герой повести "Ленинград" воспринимает свой сон как реальность, не осознавая абсурдности своего положения. Сон героя является реальным воплощением будущей действительности. И именно во сне герой проходит процесс узнавания и примеривания к себе ценностей будущего общества.

Возникшая проблема - как толковать "записанное сновидение" - решается следующим образом: первый пласт восприятия данной будущности лежит в плоскости оценок главного героя, второй - оценивается с точки зрения автора.

Предисловие перед текстом записей, на первый взгляд, ориентирует на психическую несостоятельность главного героя. Создаваемый воображением предварительный образ героя склоняет к "облегченному" восприятию. Но впечатление это меняется

по ходу повествования. Повторное возвращение к предисловию задумано автором, понимавшим, что по прочтении записей героя обязательно возникнут вопросы, на которые может дать ответ только он.

Предисловие написано редактором записей героя. По его замечанию, герой судил события современной жизни чрезвычайно парадоксально. Но эта парадоксальность не являлась таковой для героя и не удивляла редактора его записей. Прочитав в 1925 году записи якобы 1951 года, редактор имел полное право сказать, что записи героя не грешат против "логики" и "здорового смысла".

Использование автором приемов "сна" и "записей" в тексте подчиняют себе структуру повествователя. Она как будто "складывается" из двух позиций: герой и редактор его записей. Этот сложившийся образ повествователя продолжает традицию использованных приемов - скрытие автора, - связанную с практикой цензурного контроля. И в этих условиях возникает иллюзия "двойной защиты" автора: т.е. героем, а затем редактором его записей. Но редактор подписывает предисловие своей фамилией и ставит дату. Нарушение автором произведения традиции свидетельствует не столько о сломе литературного канона, сколько о жизненной позиции писателя - он уверен в правдивости изложенного героем. Подпись автора-редактора развенчивает миф о ненормальности героя, он абсолютно нормален, в то время как окружающая его среда требует немедленного лечения.

Прием "сна" использован и в другом антиутопическом тексте 20-х годов: в "Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии" Ив. Кремнева /псевдоним А.В.Чаянова/. Данная антиутопия принадлежит к группе текстов, реализующих в себе определенную программу или научный проект. В этом тексте преобладает интерес ученого к судьбе сельского хозяйства России. Автор в центр своего литературного произведения ставит, прежде всего, проблемы трудового кооперативного крестьянского хозяйства.

Произведение А.В.Чаянова является в русской литературе 20-х годов примером литературной трансформации утопии в антиутопию. Автор "ломает" привычные каноны утопии: главный герой скрывает свое имя, попав в страну будущего, и тем са-

мым оказывается врагом общества, он не принимает для себя установок утопически-справедливого мира, по доносу "экскурсовода" по будущему обществу герой оказывается в тюрьме и т.д.

Повествователь в антиутопии А.В.Чаянова определяется однозначно - это автор; в данной ситуации научная концепция подчинила себе литературную сторону произведения.

Повествование романа Ф.Н.Ильина "Долина новой жизни" ведется от имени ученого Рене Г'ерье, попавшего в "страну будущего прогресса". Столкнувшись с практикой претворения прекрасных идеалов в реальную жизнь, герой видит их извращение и понимает опасность для мира цивилизации, исходящую от Долины новой жизни. В повествовательной структуре происходит заложенное автором сравнение людей двух миров: настоящих /в романе - "чужестранцев"/ и созданных экспериментальным путем /в романе - коренных обитателей"/. Характерным при этом становится то, что в тексте нет прямого сравнения - разность выявляется на примере отношения к одному и тому же предмету или явлению.

Характеризуя повествователя романа, в работе отмечается его усложненность по сравнению с повествователем текста "Ленинград"; в романе возникает иллюзия "тройной защиты" автора. Повествователь "складывается" из позиций героя, автора предисловия к его записям-воспоминаниям /им является сам герой, рассматривающий свои воспоминания через определенный временной промежуток/ и издателя его записей-воспоминаний. Эту иллюзию поддерживает "уход" автора за псевдонимом - Тео Эли.

Особенность романа П.Н.Краснова состоит в том, что мир антиутопической страны /в романе - Германии/ дан в сопоставлении с миром утопическим /в романе - России/, но не явном, а именно - "додумываемым". Предполагаемое сравнение всегда полярно: если в утопической России все со знаком "плюс", то в антиутопической Германии - все с противоположным знаком /"минус"/. Повествователем в романе является автор: об этом свидетельствует не только избранная форма рассказа от 3-го лица, об этом говорит и само авторское неприятие модели антиутопической Системы Германии. Роман П.Н.Краснова - это утопия, но познание основ утопического общества главным героем дает обратный эффект - предполагаемого обязательного

сравнения с миром антиутопии.

В третьей главе - "Типологические черты жанра антиутопии в литературном процессе 20-х годов" - рассматриваются вопросы соотношения утопии и антиутопии в русской литературе 20-х годов XX века, содержательной структуры антиутопических текстов, а также предложена классификация антиутопии 20-х годов.

Антиутопия 20-х годов явилась своеобразным зеркалом послереволюционных событий, в котором одновременно отражалась реальность времени и показывалась ее логическая завершенность в будущем времени. Тем самым жанром антиутопии была продолжена традиция русской пророческой литературы с явно выраженной темой предупреждения.

Но суммирование и анализ происходящего вокруг социума в обществе не было для антиутопии 20-х годов единственной целью. Антиутопия - это, прежде всего, уникальное явление литературы. Поиски формы, манеры подачи материала, отражение в тексте литературной полемики и литературных проблем тех лет, а также предельная концентрация опыта почти всех литературных эпох дают право антиутопии 20-х годов /равно и самому жанру/ на такую характеристику. Антиутопия сама определяла свое место в литературном процессе 20-х годов.

Грандиозные социальные перемены в одной стране создавали прецедент предстоящей Мировой Революции. Грезя невиданными перспективами, определенная часть литературных произведений пыталась мечту представить явью. Имея своим содержанием описание будущего прекрасного времени, справедливого и демократического, этот утопический пласт русской литературы носит ярко выраженный отпечаток послереволюционного времени.

Именно в 20-е годы русская утопия начинает трансформироваться в "утопическую фантазию" /название предложено диссертантом/, сочетая в себе устоявшиеся позиции жанра утопии и приобретенные вновь качества. Характерной приметой текста утопической фантазии становится критика общественного строя и позиций своего противника-антагониста /в условиях реальности - это всегда была критика капиталистического общества/, в отличие от критики утопией установок своего общества.

И в это же время весьма органично продолжает свое развитие антиутопия, ставя на проверку предлагаемый утопией идеал /вообще и конкретно/. Предположение, что антиутопия -

пародия на утопию, с одной стороны, не лишено смысла, а с другой стороны - слишком поверхностно. Причины этого глубже и связаны с российской историей. Наличие одной проблемы /описание будущего как системы ценностей сохранившихся или приобретенных/, но разное проставленные акценты позволяют говорить о различии преследуемых целей, что, в свою очередь, ведет к разделению на официальную утопическую фантазию и неофициальную антиутопию. И то, что представляет неофициальная антиутопия, официальная утопическая фантазия будет стараться изложить в другом свете.

Главный герой утопической фантазии, равно как и герой антиутопии, столкнувшись с новой для него организацией общества, сравнивает ее со своим миром. И абсолютно во всем проявляется разница, начиная от формы правления в обществе и заканчивая социальными структурами государства. Сравнительный анализ позволяет отметить и разницу восприятия текстов утопической фантазии и антиутопии: эмоционально-восторженное в первом случае и скрыто-ироничное во втором.

Анализ содержательной структуры антиутопии 20-х годов помогает снять идеологические наслоения на тексты, объектом исследования которых становится будущее время и общество, а также подводит к разговору о форме, избранной антиутопией. Романная форма отвечала требованиям времени, аналогичного требовала и многоплановость антиутопического текста. Теория синтетизма, предложенная Е.И.Замятинем, идеально вписывается в текстовое образование антиутопии 20-х годов именно потому, что ценности антиутопической Системы проверяются в сравнении с прошлым опытом всей земной Истории.

В антиутопии 20-х годов происходит пересечение тем: личность в обществе и протест против этого общества. Это пересечение рождает романский конфликт /по причине объемности затрагиваемых вопросов/, подтверждающий приверженность жанра традициям русской литературы.

Классификационное описание антиутопии, предложенное диссертантом, позволяет увидеть все богатство "антиутопической гаммы" литературы 20-х годов нашего столетия.

Октябрьская революция 1917 года дала мощнейший толчок для развития жанра антиутопии. Именно она повлекла за собой изменение некоторых твердо устоявшихся до этого характерис-

тик антиутопического жанра.

Главным признаком антиутопии считалось обязательное наличие в тексте фона индустриальной культуры. Этот признак в 20-е годы становится формальным, т.к. вслед за поставленной проблемой: человек на фоне индустриальной культуры - антиутопия рассматривает взаимоотношения человека и общества вообще, отдавая приоритет социуму. Фон изображаемой среды перестает быть только технократическим.

В 20-е годы в русской литературе рождается иное понимание антиутопии, оно - качественно новое: антиутопия - это не само по себе бытие текста, а характер отношения к нему. Такая широкая трактовка антиутопии могла родиться лишь после осознания важности социума для человека. Понимание свободы, права выбора человека становится преобладающим в антиутопии 20-х годов.

Предложенная классификационная схема описания антиутопических текстов 20-х годов выглядит следующим образом:

I. Первой группой являются произведения раннего периода, предваряющие антиутопию в классическом ее понимании. Воспользовавшись термином Н.Н.Арсентьевой, предложенным в монографии "Становление жанра антиутопии в русской литературе"/1993/, диссертант называет эту группу - "ранними антиутопиями".

Сюда можно отнести произведения XVIII-XIX веков с элементами антиутопии: мотив спекуляции идеалами и постепенном извращении нравственных ценностей в обществе /М.Херасков "Кадмос и Гармония"/1789/, "Полидор, сын Кадмоса и Гармонии"/1794//; мотив извращенного понимания идеала свободы и тонкой границы между свободой и вседозволенностью /Н.Костомаров "Скотский бунт"/1879-1880, 1917//; реализация конкретных теорий современности в будущем /Ф.Одоевский "Русские ночи"/1844//.

II. Во вторую группу входят антиутопии, затрагивающие комплекс проблем в обществе. Это большая группа произведений, среди которых выделяются по ведущей теме:

I/ Технократические /индустриальные/ антиутопии.

В произведениях этой группы затрагиваются абсолютно все сферы общества: власть, институты ее защиты, социальные институты. Действие сюжета всегда разворачивается на фоне ин-

дустриальной культуры.

В эту группу можно отнести романы Е.И.Замятина "Мы", Ф.Н.Ильина "Долина новой жизни"; из дореволюционных текстов - произведения В.Брюсова "Республика Южного Креста" и А.Оссендовского "Грядущая борьба".

2/ Политические антиутопии.

Главной темой этих произведений является показ преобладающего влияния политики на жизнь общества во всех ее проявлениях. Фон, на котором разворачиваются события, не обязательно технократический. Для произведений этой группы характерен скепсис по отношению к попыткам умозрительного преобразования мира.

Сюда можно отнести повесть М.Я.Козырева "Ленинград", "Сказки про Фиту"/1917/ Е.И.Замятина /разработка темы насильственного счастья человека/; "Рассказ об Аке и человечестве"/1919/ Е.Зозули /тема крайности в решении проблемы счастья людей/ и некоторые другие.

Ш. К третьей большой группе относятся антиутопии, затрагивающие одну проблему. Решению этой проблемы подчинено основное содержание антиутопического текста. Здесь тоже можно выделить подгруппы.

1/ Психологические антиутопии.

Как правило, это любовные взаимоотношения на фоне индустриальной культуры. Автор сталкивает свободное желание любить по своему выбору с размеренным и размеченным течением жизни будущего общества.

Сюда можно отнести произведения А.Марсова "Любовь в тумане будущего: История одного романа в 4560 году"/1924/ и др.; из дореволюционных произведений сюда можно отнести повесть Н.Федорова "Вечер в 2217 году", в силу преобладающей темы взаимоотношений Аглаи и Павла Витинского над описанием самого общества.

2/ Аграрные /крестьянские/ антиутопии.

В основе этой подгруппы лежат произведения, реализующие в своем тексте определенные проекты. В традиции русской литературы, когда за перо берутся ученые, их произведения отличает глубокая и органичная связь с научными концепциями.

Название подгруппы условно и дано диссертантом по ведущей теме текста, вошедшего сюда: "Путешествие моего бра-

та Алексея в страну крестьянской утопии" А.В.Чаянова.

IV. К четвертой группе относятся произведения, содержащие в своих текстах элементы антиутопии.

В произведениях этой группы лежит такая мысль: человек старого мира примеряет к себе ценностную систему нового общества.

В эту группу диссертант относит произведения А.Н.Толстого "Аэлита"/1922/, объектом исследования в романе послужил проект империи Тускуба, изначально отвергающий чувства и предпочитающий голый разум; Б.Пильняка "Повесть непогашенной луны"/1926/, в центре исследования находился механизм уничтожения обществом своих врагов, прикрываемый ложно понятым партийным долгом; И.Эренбурга "Гибель Европы. Трест Д.Е." /1923/, предметом рассмотрения был проект антиутопической самоделикатизирующейся модели общества; М.Булгакова "Собацье сердце"/1925/с разработкой темы нового человека в новом обществе.

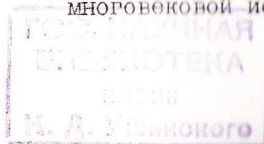
Особо в этой группе выделяются произведения А.П.Платонова, для творческой манеры которого характерно двойственное отношение к изображаемым героям, событиям, явлениям. Уникальность явления "утопии - антиутопии" в творчестве писателя проявляется и в сопоставлении тем в одном произведении, и в сравнении разных произведений. Уникальность произведений А.П.Платонова состоит в том, что писатель проверяет утопию не будущим временем, а настоящим.

Подводя итоги предложенной классификации антиутопических произведений 20-х годов, автор работы отметил, что описание антиутопии исследуемого периода в настоящее время не может претендовать на полноту. Но несомненно по мере розысканий, данное описание будет пополняться новыми сведениями.

В Заключении подводятся итоги, содержатся основные выводы, намечаются перспективы дальнейшей работы.

Проведенное исследование доказывает неотделимость жанра антиутопии от единого процесса развития русской литературы. Жанровый смысл антиутопии не исчерпывается ее способностью предугадывать облик грядущего общества. Нравственная и смысловая емкость антиутопии концентрируется в содержании проблемы "вечности". Впитав в себя опыт человечества в его многовековой истории, антиутопия сама становится "храните-

84511 - 95

лем вечных истин". Сохранение культурного наследия Земной Цивилизации - главная проблема и тема антиутопии.

Содержание работы изложено в следующих публикациях:

1. История публикации романа Е.И.Замятина "Мы"// Русская литература XX века. Проблема жанра и стиля: Межвузовск. сб. научн. трудов.- М.: МОПИ им. Н.К.Крупской.- 1993.- С.55-64.
2. Русское и зарубежное литературоведение об антиутопии как художественной системе// М.: МГУ., 1993.- 14 с.- библиогр. II назв.- Рукопись деп. в ИНИОН РАН за № 48634 от 9.II.93 г.
3. Сны и реальность в повести М.Козырева "Ленинград"// Русская литература XX века. Образ, язык, мысль: Межвузовск. сб. научн. трудов.- М.: МГУ.- 1995.- С.21-30.

Белый